

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. В. ВИНОГРАДОВ

ИТОГИ ОБСУЖДЕНИЯ ВОПРОСОВ СТИЛИСТИКИ

Выяснение вопроса о предмете, содержании и задачах стилистики, о месте стилистики в ряду других лингвистических дисциплин чрезвычайно важно для развития советского языкознания. Отсутствие точного определения стилистики, ее основных понятий и категорий, сферы ее действия сказывается в зыбкости, неотчетливости объектов и границ синтаксиса, фразеологии, лексикологии и особенно семасиологии.

В самом деле, в описательном синтаксисе любого развитого языка невозможно найти полную характеристику специфических конструкций разговорной речи в отличие от синтаксических норм речи книжной (а следовательно, и различение своеобразий живых форм диалогического речевого общения сравнительно с монологическим). Все это обычно относится к стилистике¹. Точно так же обычно выпадают из синтаксиса и «подбираются» стилистикой вопросы о сферах применения и функциях конструкций с ограниченным кругом употребления, о выразительном (экспрессивном и изобразительном) значении порядка слов, интонации и ритма, об оттенках параллельных синтаксических оборотов и о синтаксической синонимике, о функциональных отличиях и вариациях прямой, косвенной и особенно «несобственно прямой» речи².

Наконец, есть мнение, что достоянием стилистики служит вся широкая область изучения законов и правил синтагматического членения в разнообразных функциональных разновидностях речи. Само собой разумеется, что в таком случае синтагма определяется не по Ф. де Соссюру, не приравнивается к речевому такту и другим чисто фонетическим единицам, а понимается как интонационно организованный, семантически (по смыслу) объединенный синтаксический компонент связной речи, соотносительный с другими однородными ее компонентами.

Таким образом, в стилистику, во-первых, вмещаются те синтаксические явления, которые не составляют сердцевины синтаксической структуры языка и по большей части выходят за рамки изучения типичных для данного языка основных видов словосочетаний и предложений. Во-вторых, к стилистике относятся вопросы о функциях и сферах применения параллельных синтаксических оборотов, а также композиционно

¹ Ср., например, «Очерки по стилистике русского языка» А. Н. Гвоздева (М., 1952).

² Принадлежность синтаксису языка длинной цепи проблем, связанных с изучением строя так называемых «сложных синтаксических целых» (Н. С. Поспелов), «сверхфразных единств» (Л. А. Булаховский), «ритмических периодов» (А. М. Пешковский), абзацев и т. п. является спорной и сомнительной (не говоря уже о своеобразных особенностях синтаксиса стихотворной речи).

или семантически ограниченных, «связанных» синтаксических явлений, характерных лишь для тех или иных разновидностей речи (например, официально-канцелярской, научной, повествовательной или драматической речи художественных произведений и т. п.). В-третьих, в стилистику включаются все вообще проблемы синтаксической синонимии, хотя само понятие «синтаксического синонима» еще до сих пор не может считаться точно определенным. Наконец, со стилистикой иногда связывается проблема экспрессивных — выразительных и изобразительных — оттенков, присущих той или иной синтаксической конструкции или тем или иным комбинациям синтаксических конструкций, а также проблема так называемых «синтаксических фигур речи» (*syntaxis ornata*)¹.

Многообразие синтаксических вопросов и задач, которые ставятся перед стилистикой и решение которых вменяется ей в обязанность, отсутствие в них внутреннего единства побудили некоторых языковедов разделять стилистику на две области — на стилистику объективную и стилистику субъективную². Отражение этих двух разных планов стилистики, в частности стилистического синтаксиса, легко можно найти и в наших языковедческих работах последнего времени³.

Так, труд Л. А. Булаховского «Русский литературный язык первой половины XIX века» содержит небольшую главу, посвященную вопросам «стилистического синтаксиса». Сюда автор относит «свободную косвенную речь», «разнообразие синтаксического выражения приложений», «обещающие» местоимения, отсылающие к тем существительным, «которые еще не названы» (например, «Товарищ, верь: взойдет она, Звезда пленительного счастья»), спадающие (завершающие) сравнения (начинающиеся словом *так*), синтаксические приемы «интимизации», средства синтаксиса, служащие для создания комического эффекта⁴.

Не подлежит сомнению, что синтаксические исследования этого типа были бы И. Рисом отнесены к области «субъективной стилистики». Показательно, что некоторые из синтаксических конструкций рассматриваются Л. А. Булаховским как «черты поэтического слога», как «характерные структуры поэтического языка изучаемого времени». Следовательно, они признаются принадлежностью лишь художественных разновидностей литературной речи. Другие синтаксические явления оцениваются с экспрессивно-функциональной точки зрения (например, приемы «интимизации», «комические средства синтаксиса»); особенно показателен здесь стилистический анализ синтаксических форм и приемов «свободной косвенной речи»⁵.

В ином теоретическом аспекте обычно изучается синтаксическая синонимика форм сочетаний и предложений. Здесь задача исследе-

¹ Стремление ограничить стилистику областью композиционно-синтаксической, «грамматическими фигурами речи» имеет давнюю историю. В 1858 г. Н. А. Добролюбов специально коснулся этого обстоятельства в краткой рецензии на сочинение Виктора Баева «О необходимости построить науку о слоге на грамматических основаниях». М. Г. Виктор Баев воображал, — писал Добролюбов, — что есть какая-то наука о слоге, а потом убедился, что вновь изобретенная им наука не что иное, как та часть грамматики, которую называют обыкновенно синтаксисом... умнее правильно согласовать слова и употреблять так называемые грамматические фигуры — еще не составляет слога... язык и слог суть вещи совершенно различные» (Н. А. Добролюбов, Полное собр. соч., т. III, М., 1936, стр. 481).

² См. John Ries, Was ist Syntax? Marburg, 1894, стр. 129.

³ См. содержание 2-й части (главы 1—5) в кн.: E. Riesel, Abriss der deutschen Stilistik, Moskau, 1954.

⁴ См. Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, М., 1954, стр. 442 и сл.

⁵ См. там же.

дования сводится к определению и характеристике стилистических оттенков параллельных конструкций в общей системе языка. Так, А. Кока в статье «Синтаксическая синонимика в кругу словосочетаний с временным значением в современном русском литературном языке» пишет о синонимических и параллельных синтаксических конструкциях: одни из них «...могут длительное время употребляться в языке параллельно и сохранять свои синонимические отношения», другие же утрачивают синонимический параллелизм, потому что «...в данных конструкциях совершенно сглаживаются индивидуальные стилистические оттенки...»¹. В связи с этим возможно сужение сферы употребления или даже отрицание одной из таких параллельных конструкций, постепенно теряющей активность и вытесняемой своим синтаксическим синонимом. Отсюда — общий вывод о синтаксической синонимике как явлении системы языка в целом².

Следовательно, объективная стилистика исследует принципы и правила соотношения и взаимодействия близких по значению или по функции, параллельных или синонимических форм, слов и конструкций в общей системе языка. Субъективная же стилистика имеет дело с закономерностями употребления и способами сочетания и объединения разнообразных грамматических (а также лексических) средств языка в тех или иных разновидностях речи, в разных устойчивых или изменчивых речевых формах общественного выражения коллективных или индивидуальных субъектов, в разных «стилях речи».

В сущности, в своем разграничении стилистики «аналитической» и «функциональной» Ю. С. Сорокин возрождает эту старую традицию и не вносит в нее ничего принципиально нового, не определяя точно ни предмета стилистики, ни ее основных понятий, ни ее задач, ни ее места в кругу других лингвистических дисциплин. Различие — лишь в названиях, в терминах. Предлагаемые Ю. С. Сорокиным обозначения — «аналитический» и «функциональный» — не соотносительны и внутренне не оправданы. Дело в том, что и «аналитическая» стилистика имеет дело не только с экспрессивно-стилистическими, но и с функционально-речевыми «товальностями» разных языковых средств.

*

В языковедческой традиции ясно обозначилась тенденция к сближению, а иногда и к смешению стилистики не только с синтаксисом, но и с семасиологией. Любопытно, что еще Райзиг — один из основоположников семасиологии³ — считал стилистику (так же, как и риторiku) частью семасиологии. Так как складывается впечатление, что стилистика имеет дело с тонкими и тончайшими дифференциально-смысловыми оттенками слов, оборотов и конструкций, то многие склонны относить именно к стилистике анализ и характеристику семантических нюансов речи, изучение разнообразных отношений средств языкового выражения к выражаемому содержанию. Само собой разумеется, что значительное место в этих исследованиях занимают наблюдения над смысловыми функциями и сферами обращения параллельных и синонимических выражений. Таким образом, и тут остро выступает задача сопоставительной и соотносительной семантической характеристики разных форм и ви-

¹ «Известия АН Казахской ССР», № 135, Серия филологии и искусствоведения, вып. 1—2, 1954, стр. 102—103. См. также стр. 111.

² См. там же, стр. 111.

³ K. Reising, Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft, Leipzig, 1839.

дов речевого общения как одна из существеннейших проблем стилистики. Именно в силу этих соображений иногда делалась ссылка на семантическую замкнутость «стиля» как целесообразно организованной системы словесного выражения. Между прочим, семантическая замкнутость или семантическая очерченность характерна для отдельного высказывания, для контекста речи, для словесного произведения. Следовательно, практически она предполагается у «стиля речи» и Ю. С. Сорокиным, который теоретически склонен отрицать ее¹: «...каждое высказывание, каждый контекст обладает стилем: в речи мы находим всякий раз определенный выбор слов, форм, конструкций, порядок их расположения и определенное их сочетание, которые зависят как от содержания и назначения речи, так и от общих законов, правил и возможностей языка»².

Особенно широко и свободно связывается стилистика с семасиологией в «Очерках по стилистике русского языка» проф. А. Н. Гвоздева. По словам этого ученого, «важность разработки вопросов стилистики, рассматривающей явления языка со стороны их значения, вытекает из той исключительной роли, какую играет значение (семантика) в явлениях языка...»³. А. Н. Гвоздев склонен видеть в стилистике своеобразную семантику «тонких оттенков», выразительных нюансов⁴.

Во всяком случае, к стилистике всегда относится изучение дифференциально-смысловых и экспрессивных оттенков соотносительных, параллельных или синонимических выражений⁵. Тесная связь стилистики национального языка с семасиологией остро выступает при сопоставлении семантических систем разных языков в процессе перевода или при работе над двуязычными дифференциальными словарями⁶.

Наконец, с семасиологией связаны также приемы и формы образных выражений⁷. Поэтому в стилистике находит себе место не только отвлече-

¹ См. Ю. С. Сорокин, К вопросу об основных понятиях стилистики, ВЯ, 1954, № 2, стр. 77 и сл.

² Там же, стр. 81.

³ А. Н. Гвоздев, указ. соч., стр. 9.

⁴ См. там же. Ср. мою рецензию на кн. А. Н. Гвоздева (ВЯ, 1952, № 6, стр. 138, 140).

⁵ А. А. Фет очень остро и тонко характеризовал «климатические свойства и особенность поэтического словоупотребления: «Насаждая свой гармонический цветник, поэт невольно вместе с цветком слова вносит его корень, а на нем следы родимой почвы. При выражении будничных потребностей сказать ли: Ich will nach der Stadt, или: Я хочу в город — математически одно и то же. Но в песне обстоятельство, что Die Stadt steht, а город городится — может облажить целую бедну между этими двумя представлениями. Кроме корня, каждое слово имеет свойственные его почве запахи, конфигурацию и влияние на окружающую его область мысли, в совершенное подобие растению, пытающему известных насекомых, которые в свою очередь питают известных птиц и т. д.» (А. Фет, Два письма о значении древних языков..., «Литературная библиотека», т. V, СПб., 1867, стр. 57. Ср. «Русские писатели о литературе», т. I, Л., 1939, стр. 450).

⁶ М. Рыльский в статье «Из размышлений переводчика», оправдывая свой перевод пушкинского афоризма «Переводчики — почтовые лошади просвещения» на украинский язык: «Перекладачи — поштові коні освіти», пишет по поводу русских слов *конь* и *лошадь*: «В украинском языке, к сожалению, имеется только одно слово, соответствующее этим двум („кінь“), что, кстати сказать, служит примером того, как трудно бывает иногда передать стилистические и эмоциональные оттенки слов другого языка. Русское слово „конь“ имеет оттенок торжественности, высокого стиля, оно хотя и бытует в живом разговорном языке, но в какой-то мере архаично. Оно пригодно главным образом для песни, для стиха, для военной команды („по коням!“) и меньше подходит для делового, прозаического языка (хотя в нем и употребляются производные: „коневодство“, „конское поголовье“). „Лошадь“ — слово, не имеющее оттенка торжественности, приподнятости, романтичности» («Новый мир», 1954, № 9, стр. 227).

⁷ Несмотря на общий структуралистский уклон, книга Ульмана (S. Ullmann, Précis de sémantique française, Bern, 1952) содержит интересный материал по вопросу о соотношении семантики (семасиологии) и стилистики.

ченное учение о тропах, как это бывало в «теории словесности», но и описание основных тенденций и закономерностей образного, метафорического и вообще переносного употребления слов и выражений, закономерностей, характерных для того или иного языка в разные периоды его развития. Правда, здесь уже ощутителен переход из области семасиологии в область лексикологии и фразеологии.

*

Если обратиться к лексикологии и фразеологии, то и тут со стилистикой связываются разные виды языковых явлений, отчасти соответствующие тем, которые отрываются для стилистики от синтаксиса и от семасиологии. Прежде всего, к стилистике относится определение ограниченных сфер употребления некоторых слов, значений, фразеологических оборотов и выражений, тяготеющих к отдельным типам, или разновидностям речи¹. Сюда же примыкает характеристика экспрессивных качеств разных лексических средств языка. Этой эмоционально-экспрессивной стороне речи некоторые языковеды (например, Байи, Сэшеэ и др.) придают основное значение при отграничении предмета и содержания стилистики от сфер исследования, закрепленных за другими лингвистическими дисциплинами².

Далее, в стилистику нередко вводится учение о свойственных тому или иному языку на данной ступени его развития законах и правилах фразеологических сочетаний слов, о фразеологических контекстах, фразеологических споеобразиях и фразеологических границах употребления слов, а также об обусловленном различием фразеологических связей изменениях экспрессивно-стилистика окраски слов. Вообще положение фразеологии (или фразематики, как некоторые предлагают называть эту область лингвистического знания) в кругу других лингвистических дисциплин остается крайне неопределенным. Поэтому точно указать объем и проблематику тех разделов фразеологии, которые чаще отдаются стилистике, в высшей степени затруднительно. Во всяком случае к стилистике всегда относится характеристика экспрессивных оттенков фразеологических единиц, определение речевых сфер и литературно-жанровых пределов их употребления. Кроме того, в стилистику же включается изучение и оценка фразеологических штампов, шаблонов (или клише), вращающихся в той или иной сфере речи³.

В стилистику входит учение о лексических синонимах, как «идеологических», так и экспрессивных и функционально-речевых, о видах и семантических основах синонимии в данной языковой системе, о связи отдельных синонимических вариантов с теми или иными типами и разновидностями речи. Анализ лексической и фразеологической синонимии, свойственной литературному языку, может расширяться в сторону изучения индивидуальных, субъективных, вызываемых задачами сообщения или условиями контекста способов употребления разнообразных слов и выражений в синонимическом смысле или в качестве членов одного семантического ряда.

Например, в языке художественной литературы в каламбурном употреблении мнимое смысловое тождество или смысловое соответствие слов и морфем может расширяться и даже возникать в результате индивиду-

¹ Ср. Ю. С. Сорокин, указ. соч., стр. 80.

² См. Ch. Bally, *Le langage et la vie*, 3-е éd., Zürich, 1935, стр. 79—109.

³ Ср. его же, *Traité de stylistique française*, Heidelberg, 1909 (2-е éd.: Heidelberg, 1930—1931; 3-е éd: Genève — Paris, 1951).

в результате индивидуальных сближений и сопоставлений созвучных, омонимичных или оморфемных выражений¹.

В лексический раздел стилистики, естественно, должен быть включен анализ экспрессивно-смысловых различий между близкими или соотносительными словопроизводственными рядами слов (например, *лентяй* и *ленивец*; *дурак* и *дурень*; *красотка* и *красавица*; *старикан* и *старикашка*; *советчик* и *советник*; *дешевка* и *дешевизна*; *бродяжить* и *бродяжничать*; *портняжить* и *портняжничать*; *пискливый* и *пискавый* и т. п.), а также обзор синонимических образований в кругу одной и той же словообразовательной категории.

Со стилистикой иногда (правда, чаще всего в учебных программах и руководствах) ассоциируется изучение лексической системы языка с точки зрения ее исторической динамики, внутренних тенденций ее развития (неологизмы, архаизмы) и взаимодействий с народными говорами и социальными жаргонами (диалектизмы, арготизмы и т. п.). Однако неправомерность такого переноса чисто лексикологических проблем в стилистику очевидна. Иное дело, когда речь заходит о функциях и целях употребления тех или иных разрядов слов, выходящих за пределы общей литературной нормы выражения (например, арготизмов, архаизмов и т. п.) или еще не вошедших в эту норму, в отдельных разновидностях литературной речи.

*

Гораздо меньше материала в смысле экспрессивно-стилистических различий предоставляют стилистике современного русского языка морфология и фонетика. Из морфологических явлений, по словам проф. А. М. Пешковского, «...изучаться и сравниваться здесь должны не грамматические значения вообще, а лишь грамматические синонимы...»², т. е. значения слов и форм, близкие друг к другу по их грамматическому смыслу. Той же точки зрения придерживается и проф. А. Н. Гвоздев³.

Если не включать в морфологию область словообразования, то из круга собственно морфологических явлений в стилистику могут войти лишь вопросы о функциях и сферах употребления вариантных — параллельных и синонимических — форм склонения и спряжения, а также степеней сравнения⁴. Проблемы синонимии частей речи, служебных слов и частиц, а также вопросы об экспрессивных оттенках предикативных форм и оборотов (например, глагольных форм времени и наклонения, безличных глаголов и т. п.) относятся уже к области или лексики, или синтаксиса, а тем самым и соответствующих разделов стилистики.

В системе литературного произношения также выделяются соотноси-

¹ Например, у А. Ф. Вельтмана в романе «Приключения, почерпнутые из моря житейского» (цит. по изд. «Academia», 1933): «...это было существо великодушное, презирающее всех малодушных, слабодушных, тщедушных и радушных» (стр. 78); «Там вся московская поэзия и проза, славянофилы, скандинавофилы, франкофилы и простофилы» (стр. 863). Ср. еще: «...Василиса Саввишна была не из того роду старухек, которые промшляют жалобами и слезами на судьбу и людей и для которых благодетельные барыни не шадят ни старой подкладки, ни обрезков от домашнего шитья, ни изношенных башмаков, которые прослужили года два и туфлями, ни протертых чулков, которых нельзя уже подвизывать, ни зашасу прогорького масла, ни промозглых огурчиков, ни протухшей дичинки, ветчины и тому подобного» (стр. 84).

² А. М. Пешковский, Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики, М.—Л., 1930, стр. 153.

³ См. А. Н. Гвоздев, указ. соч., стр. 75.

⁴ См. главу «Морфология и стилистика» в кн. А. В. Исаченко «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким» (Братислава, 1954).

тельные разновидности фонетического выражения, различные по функциям и связанные с разными сферами и задачами речевого общения. Их называют «стилями произношения» и, следовательно, рассматривают как область стилистического исследования (ср. работы акад. Л. В. Щербы, доц. М. И. Матусевич, проф. Р. И. Аванесова, доц. С. И. Ожегова и др.).

*

Анализ стилистических явлений опирается на понятие нормы языка и ее возможных вариаций — как свободных, так и функционально обусловленных¹. Нормы языка исторически изменчивы. Описательное и историческое языкознание, стремящееся установить закономерности изменений системы языка, не может обойтись без изучения общественно-языковых норм. Стилистика в своих исследованиях исходит из этих норм, из оценки их живых вариаций и, следовательно, базируется на материале и результатах описательной фонетики, грамматики и лексикологии. Но изучая функциональные связи языковых фактов, возможности взаимозамещения в их кругу, в известных условиях — формы их смыслового параллелизма, синонимические соотношения между ними, систему распределения их по разным речевым сферам и действностям, — стилистика общенародного языка приходит к характеристике разновидностей и типов речи, основных сфер речевого общения; на этом пути она обогащается и дополняется стилистикой литературно-художественной речи.

Таким образом, стилистика общенародного, национального языка охватывает все стороны языка — его звуковой строй, грамматику, словарь и фразеологию. Однако она рассматривает соответствующие языковые явления не как внутренние связанные элементы целостной языковой структуры в их историческом развитии, но лишь с точки зрения функциональной дифференциации, соотношения и взаимодействия близких, соотносительных, параллельных или синонимических средств выражения более или менее однородного значения, а также с точки зрения соответствия экспрессивных красок и оттенков разных речевых явлений; с другой стороны, стилистика рассматривает эти явления с точки зрения их связи с отдельными формами речевого общения или с отдельными общественно разграниченными типами и разновидностями речи. Вот почему от стилистики исключаемо учение о так называемых функциональных разновидностях или типах речи, характерных для того или иного языка в разные периоды его исторического развития. Именно этот круг вопросов, иногда относимый к «стилистике субъективной», является наименее исследованным и определенным.

В сущности, никаких особенно резких разногласий в понимании свойственных языку стилистических вариантов как лексико-фразеологического, семантического, так и грамматического и фонетического характера дискуссия по вопросам стилистики не обнаружила. Даже Ю. С. Сорокин здесь ограничился лишь желанием выделить их изучение в особую аналитическую стилистику. Все остальное, что сказано им по вопросу о стилистических средствах языка, является самым общим повторением традиционных истин: в более непринужденных и общих формулировках он высказывает то, что обычно говорится о стилистически нейтральной основе языка, о полной стилистической нейтральности слов основного словарного фонда в их прямых, номинативных значени-

¹ Ср. статью: В. Н а в г а н е к, Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur, «Actes du Quatrième Congrès international de linguistes», Copenhague, 1938.

ях — как в функциональном речевом отношении, так и в отношении экспрессивной окраски, о стилистических пометах слов и выражений, о стилистически ограниченных сферах употребления групп слов, о лексических и грамматических синонимах и т. д.¹

*

Вникая в правила функционально-речевой и экспрессивно-смысловой дифференциации разных элементов современного русского языка, в закономерности синонимических связей и отношений форм, слов, выражений и синтаксических конструкций, легко заметить, что и характер, и степень такой дифференциации неодинаковы и неоднородны в разных сторонах языка. Наиболее развитой и дифференцированной по оттенкам значений, по экспрессивным качествам выражений, по характеру стилистических ограничений, наиболее богатой синонимами является лексика (а следовательно, и фразеология). Гораздо более общими, более широкими и менее дробными являются функционально-речевые и экспрессивно-смысловые, а также синонимические разграничения и соотношения в сфере грамматики, особенно морфологии.

Таким образом, в системе языка выделяются разнообразные элементы (лексические и грамматические, из этих последних чаще всего синтаксические), характеризующиеся различными речевыми гравитами их общенародного употребления или различиями экспрессивных окрасок. Они могут быть соотносительны друг с другом по экспрессии, по «стилистическому» качеству и противопоставлены синонимическим выражениям из другой речевой сферы или разновидности. Некоторые из них выступают как «характеристические» приметы той или иной разновидности речи. Но сами по себе они, очевидно, не складываются в систему и не образуют «системы» в том смысле этого слова, в каком термин «система» применяется к языку². Они объединяются в некоторые совокупности, в некоторые устойчивые экспрессивно-стилистические ряды внутри языковой системы в силу однородности экспрессии, а также сходного отношения к единой норме общенародного языка и к сложившейся традиции их функционально ограниченного употребления. В связи с этим возникает вопрос: содержатся ли в самой системе языка, «заложены» ли или, вернее, откладываются ли в ней самые способы, конструктивные принципы объединения и организации языкового материала, характерные для того или иного типа или разновидности речи? Ведь наличие стилистической окраски в отдельных элементах языка, т. е. отнесение их к определенному виду или типу речи («стилю»), может и не предполагать самих правил и принципов организационного объединения и структурной связи всех этих элементов в самой языковой системе, иначе говоря, еще не обязывает к признанию соотносительных и дифференцированных стилистических «систем» внутри единой системы языка. Но если такие принципы и связи могут складываться и развиваться в процессе употребления языка в разных общественных формах речевой деятельности, в многообразных разновидностях речи, то они во всяком случае иного качества, чем связи элементов самой системы языка. Связи и соотношения языковых элементов однородной стилистической окраски опираются не на структурные качества языка, не на формы и не на

¹ См. Ю. С. Сорокин, указ. соч., стр. 78—79. Ср. также E. Riesel, указ. соч., стр. 53, 70 и др.

² В предшествующих работах термин «система» по отношению к стилю мною употреблялся недифференцированно, вследствие чего возникали недоразумения и в понимании замкнутости языковых и речевых стилей.

лексические или грамматические значения, а на социально-экспрессивные оттенки, на свойства функционального использования языковых средств в многообразии видов общественно-речевой практики.

Таким образом, при различии критериев и принципов экспрессивно-стилистических расслоений в разных областях или сторонах современного русского языка нельзя непосредственно, без научно обоснованных доказательств, утверждать, что внутри его структуры и поныне сосуществуют и взаимодействуют разные устойчивые, более или менее замкнутые (т. е. «изолированные») стилистические системы, включающие в себя совокупность форм, слов и конструкций, а иногда и звуков одной и той же окраски или стилистической «тональности». Быть может, в таком понимании связи и взаимодействия стилистически окрашенных или стилистически ограниченных элементов в системе языка обнаруживается чересчур поспешное обобщение того состояния литературного языка, которое свойственно лишь отдельным периодам его развития. Наиболее прямолинейно и решительно такая обобщенная точка зрения на язык как на совокупность стилистических систем была развита проф. Г. О. Винокуром в его очень интересной статье «О задачах истории языка»¹. «В отличие от прочих лингвистических дисциплин, — писал проф. Г. О. Винокур, — стилистика обладает тем свойством, что она изучает язык по всему разрезу его структуры сразу, т. е. и звуки, и формы, и знаки и их части. Таким образом, никакого „собственного“ предмета у нее как будто не оказывается. Действительно, стилистика изучает тот же самый материал, который по частям изучается в других отделах истории языка, но зато с особой точки зрения. Эта особая точка зрения и создает для стилистики в чужом материале ее собственный предмет. В отличие от прочих отделов истории языка, стилистика имеет дело не с одной, а с многими системами, и в то время, как напр., для фонетики существенно знать, как противопоставлены друг другу все звуки данной звуковой системы, стилистика изучает вопрос о том, как противопоставлены друг другу отдельные, обладающие стилистической выразительностью, звуки разных систем, напр., для эпохи Московской Руси с взрывное обиходного языка столицы и африкативное церковно-книжного языка. Далее, для тех дисциплин, которые изучают строй языка, звуки — это одна система, формы — другая, вещественные значения — третья, и лишь более сложные взаимоотношения между этими отдельными системами в конце концов создают общую и цельную систему всего языка. Для стилистики, наоборот, отдельные структурные элементы сами по себе не создают еще системы просто потому, что не все звуки, формы и знаки являются ее предметом, а лишь такие, которые, обладая особой стилистической окраской, противопоставлены звукам, формам и знакам с иной стилистической окраской. Но зато звуки той или иной стилистической окраски и формы и знаки той же окраски входят в одну стилистическую систему в противовес звукам, формам и знакам другой окраски, и из взаимодействия всех таких систем создается общая стилистическая жизнь языка. Все это говорит о том, что стилистическая система есть понятие вполне своеобразное и совершенно не соотносительное, хотя и тесно связанное с системой звукового, формального и семасиологического строя языка»².

Таким образом, в основе этой концепции лежит предположение о качественной однородности и экспрессивном единстве звуковых, грамматических и лексико-семантических языковых элементов в каждой из

¹ «Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та», т. V, Кафедра русского языка, вып. 1, 1941.

² Там же стр. 18.

соотносительных стилистических систем (или стилей языка), непосредственно входящих в структуру того или иного языка. При этом «...каждый стиль рассматривается как своеобразная система, противопоставленная другим системам, представляющая собой известное видоизменение соответствующей системы в предшествующий период и заключающая в себе те противоречия, которые привели к ее перерождению в период последующий»¹.

Однако если обратиться к наиболее развитой и стилистически дифференцированной стороне языка, к его словарному составу, и вникнуть хотя бы в типы синонимов, наблюдающиеся здесь, то необходимо признать, что «системы», возникающие в сфере лексической синонимии, оказываются очень различными и не всегда могут противопоставляться одна другой: здесь прежде всего следует отделить синонимию и деографическую, связанную с дифференциацией оттенков одного и того же значения (*безобразный — уродливый; безупречный — безукоризненный; наивный — простодушный* и т. д.), от синонимии стилистической, которая в свою очередь включает в себя синонимы функционально-речевые (например, *застрельщик — инициатор; конец — предел* — в некоторых значениях и оттенках) и синонимы экспрессивносмысловые (например, *обзор — обозрение; кругозор — горизонт* в переносном употреблении и т. п.), отчасти находящиеся во взаимодействии.

Признавая наличие разнообразной стилистической окраски у слов, форм, выражений и конструкций, языковеды обычно различают два ряда стилистических окрасок или «тональностей»: стилистические окраски экспрессивно-эмоционального характера и стилистические окраски, связанные с ограниченной речевой областью применения соответствующих языковых средств. Но уже отсюда ясно, что от наличия той или иной стилистической окраски или «тональности» у ряда слов и выражений до обобщенного вывода о существовании соответствующего «экспрессивного стиля» или «экспрессивной стилистической системы» в языке — «дистанция огромного размера». Например, проф. А. Н. Гвоздев в своих «Очерках по стилистике русского языка» различает по экспрессивной окраске слова: свежие, книжно-неодобрительные, архаически-шутливые, напыщенные, архаически-комические, фамильярно-ласкательные, иронически-ласкательные, иронические и т. п. (стр. 58—63). Однако никто на основании этого не делает заключения о разграниченности в общей системе современного русского языка таких экспрессивных стилей, как архаически-шутливый или архаически-комический, книжно-неодобрительный или свежий и т. п.

Приходится еще раз повторить, что «классификация стилей по экспрессивным качествам лишена единства, целостности и последовательности. По мере перехода от стилистической лексикологии к стилистическому синтаксису, эта классификация постепенно теряет свои очертания. Возникает сомнение в правомерности распространения термина „стиль языка“ на разновидности экспрессивной окраски речи»². Ведь одни и те же экспрессивные краски могут накладываться на совершенно различные по своему функционально-стилистическому характеру высказывания (например, ирония, возвышенная патетика и т. п.).

Впрочем о сущности экспрессии слова, об экспрессивной функции слова, о формах речевой экспрессии, об экспрессивных качествах и оттенках разных фонетических и грамматических явлений в нашем отечествен-

¹ Там же, стр. 19.

² ВЯ, 1952, № 6, стр. 144.

ном языкознании вообще сказано не очень много. Кроме указаний на «чувственный тон», «эмоциональный смысл слова», на «экспрессивную функцию языка» (в разном значении; ср. работы проф. М. Н. Петерсона, А. М. Селищева, с одной стороны, и проф. А. С. Чикобава, с другой), отмечалось, что слово является для слушателя одновременно и знаком «мысли» говорящего и «признаком всех прочих психических переживаний», входящих в намерение коммуникации¹. Но исторического очерка развития «систем выражения», систем экспрессивных форм в русском языке нет. Экспрессивные оттенки слов и выражений у нас являются предметом больше ощущения и показа (демонстрации), чем изучения и анализа. Наиболее интересные, глубокие и разнообразные наблюдения над формами экспрессии относятся к области ораторской, поэтической и сценической речи.

Таким образом, трудно согласиться с В. Д. Левиным, который считает объективно реальное существование «экспрессивных стилей» как цельных систем в самой структуре языка фактом самоочевидным и несомненным².

«Экспрессивный стиль» В. Д. Левину представляется совокупностью «элементов, обладающих определенной стилистической окраской», совокупностью «позитивных и негативных языковых признаков»³, образующих «цельную законченную систему»⁴. Однако В. Д. Левин не касается вопроса о том, должна ли непременно применяться и применяется ли вся такая совокупность или «система» общественно осознанных и закрепленных шуточных, иронических, вульгарных, неодобрительных и т. п. слов и выражений каждый раз для реализации соответствующих «стилей языка» в конкретных условиях и контекстах или же эти «стили» могут конструироваться и другими языковыми средствами, субъективно окрашенными или окрашиваемыми нужной экспрессией. В связи с этим укрепляется сомнение вообще в существовании таких «цельных, законченных систем» в самой общей системе языка. Ведь невозможно выделить какие-нибудь свободные, т. е. не принявшие форму грамматических идиоматизмов, общеобязательные синтаксические формы и конструкции, непосредственно выражающие иронию, шутку, неодобрение и т. п.

История экспрессивных форм речи и экспрессивных элементов языка вообще в языкознании мало исследована, пути и направления их развития в отдельных конкретных языках не выяснены.

Несколько иначе обстоит дело с изучением стилистически ограниченных функционально-речевых элементов, которым также сопутствует экспрессивная окраска, и их употребления. Что функционально-стилистическая окраска, присущая части слов, выражений и даже конструкций, генетически обусловлена преимущественным употреблением этих языковых фактов и явлений лишь в определенных видах речи, в определенных контекстах, — это очевидно. Связь этих языковых элементов с теми или иными функциональными разновидностями, типами, «стилями» речи для данной эпохи устойчива и общепризнана.

*

Естественно возникают вопросы: функциональное разнообразие исторически сложившихся разновидностей речи, качественное различие

¹ См. Р. О. Шор, Выражение и значение, «Ученые записки [Ин-та языка и литературы РАНИОН]», т. I, М., 1927, стр. 102—103.

² См. В. Д. Левин, О некоторых вопросах стилистики, ВЯ, 1954, № 5, стр. 78.

³ Там же, стр. 79.

⁴ Там же, стр. 75.

между далекими разновидностями книжной и разговорной речи вытекают ли непосредственно из свойств самой системы языка в результате ее развития? Как это многообразие речевой деятельности исторически отражается в составе и строе языка? Система языка — при внутреннем единстве ее структуры — представляет ли в отдельных своих частях совокупность соотносительных, дифференциальных форм и способов выражения, внутренне объединенных и образующих своеобразные стилистические «системы» («стили языка») внутри общей языковой системы? Если язык обладает этим качеством, то в какие периоды его истории оно развивается в нем и как изменяется? Или же при крепком единстве общенационального языка в его системе лишь отслаиваются отдельные черты и элементы разнообразных разновидностей и типов речи, слышатся лишь отголоски более или менее отстоявшихся видов речевого общения? Следовательно, вопрос о формах, разновидностях и типах литературной речи, обычно называемых «стилями языка», повертывается в конкретно-историческую сторону. И в этом аспекте самый термин «стиль языка» требует уточнения. Его нельзя смешивать с термином «стиль речи», если признавать необходимость разграничения понятий языка и речи.

Термин «стиль языка» и определение стилей как разновидностей языка, как «частных» систем внутри «общей» системы языка побуждает представлять их по образу и подобию языковой системы. Однако никто из историков русского языка, выйдя за пределы трех стилей русской литературной речи XVIII в., не ищет в национальном русском языке XIX и XX вв. множества изолированных систем выражения («стилей» языка), составленных из характерной для каждой из них совокупности столь же «изолированных элементов языка».

Стиль языка иногда понимается и в ином смысле, как совокупность «более или менее устойчивых комплексов языковых средств, соответствующих определенным жанрам, типам речи и обусловленным их содержанием и назначением»¹. С этой точки зрения анализ и понимание языкового стиля не должны опираться на сумму «изолированных элементов языка», но и не должны выходить за пределы общезыковых категорий и понятий — изменений значений слова, способов употребления слов и грамматических конструкций. Все, что не может быть непосредственно выведено и объяснено из таких элементов языковой системы, объявляется «неязыковым», хотя от этого не становится непременно и «нестилистическим». Так, метафора, выраженная одним словом или сочетанием, считается языковым стилистическим средством (*мрак жизни, мрак душевный, мрак земных сует* и т. п.); но метафора, выходящая за пределы отдельного слова и выражения (например, целое высказывание, вроде стихотворения Пушкина «Прозаик и поэт»), рассматривается уже как «неязыковое стилистическое средство»².

Легко заметить, что здесь говорится собственно о стилях речи, т. е. о «системах средств выражения, соответствующих определенным типам речевой деятельности»³. Термином же «языковой стиль» («стиль языка») только подчеркивается, что эти стили речи понимаются и изучаются в «плане языковом», т. е. в пределах элементов языковой системы, лишь с точки зрения качеств и применений этих элементов. «Стили языка» понимаются в этом случае не как содержащиеся в самой языковой структуре обособленные и замкнутые круги разных выразительных средств.

¹ И. С. Ильинская, О языковых и неязыковых стилистических средствах, ВЯ, 1954, № 5, стр. 88 (разрядка моя. — В. В.).

² См. там же, стр. 87—88.

³ Там же, стр. 89.

а как обнаруживающиеся в разных формах и видах общественно-речевой деятельности коллективно осознанные способы соотношения и комбинирования различных стилистических элементов¹. Если оставить в стороне нечеткое и лингвистически (т. е. в плане общей теории языка), не обоснованное противопоставление «языкового» и «неязыкового», ясно, что И. С. Ильинская относит «стили языка» не к самой структуре языка, а к широкой области функционального использования языка в общественно-речевой практике.

В сущности о том же говорит Ю. С. Сорокин, когда он, не смешивая стили речи с индивидуальным стилем высказывания, пишет, что в развитом национальном литературном языке (с характерным для него многообразием выразительных средств и с возможностями извлекать из многих слов и выражений различные тональности) «решающим для характеристики того или иного стиля речи являются принципы соотношения и приемы объединения различных языковых средств в контексте речи»².

Ю. С. Сорокин не сомневается в наличии стилистических категорий как принадлежности «индивидуального высказывания»; ему сомнительны стилистические категории как «категории языковые»³. Но Ю. С. Сорокин делает шаг назад, когда он отрицает коллективную природу и общественно-осознанные типические свойства тех соотносительных и функционально дифференцированных способов словесного выражения, которые принято называть то «стилями языка», то «стилями речи». Ведь еще проф. Г. О. Винокур писал о том, что стилистика «...может быть лингвистической дисциплиной только при том неизменном условии, что она имеет своим предметом те языковые привычки и те формы употребления языка, которые действительно являются коллективными»⁴.

В ходе дискуссии по вопросам стилистики было также правильно указано, что различия между «стилями» заключаются не только и не столько в материальном составе языковых средств и не только в принципах соотношения и приемах объединения различных элементов языка, но также и в их функциях. «Понятия точности, образности, экспрессивности, как и другие стилистические категории, не механически перекочевывают из одного языкового стиля в другой, а в системе каждого стиля приобретают глубокое своеобразие», — писал проф. Р. А. Будагов⁵. «Дело не в том, насколько те или иные стилистические средства языка „неповторимы“. Таких „неповторимых“ стилистических ресурсов в языке нет или почти нет. Проблема, однако, заключается в том, каковы функции выразительных средств языка в том или ином языковом стиле»⁶. Вместе с тем подчеркивается необходимость «...различать языковые стили и такие языковые явления, характер которых определяется спецификой самого описываемого или изучаемого объекта»⁷, например, свойствами отдельных жанров литературы.

По определению Р. А. Будагова, «языковой стиль — это разновидность общенародного языка, сложившаяся исторически и характеризующаяся известной совокупностью языковых признаков, часть из которых своеобразно, по-своему, повторяется в других языковых стилях,

¹ См. И. С. Ильинская, указ. соч., стр. 89.

² Ю. С. Сорокин, указ. соч., стр. 76.

³ См. там же, стр. 73—74.

⁴ Г. О. Винокур, О задачах истории языка, стр. 17.

⁵ Р. А. Будагов, К вопросу о языковых стилях, ВЯ, 1954, № 3, стр. 60.

⁶ Там же, стр. 61.

⁷ Там же, стр. 67.

но определенное сочетание которых отличает один языковой стиль от другого. Не существует неизменных языковых стилей, но существует постоянное развитие, взаимное воздействие, взаимное отталкивание и непрерывное совершенствование и обогащение внутренних ресурсов разных языковых стилей»¹.

Таким образом, если не останавливаться на отождествлении и смешении терминов и понятий «языковой» и «речевой», то у всех участников дискуссии можно отметить одинаковое и однородное понимание природы стиля в современных развитых национальных языках.

Вместе с тем понятно, что стиль речи не всегда формируется непосредственно самими элементами языка. Иногда он обусловлен сложными образованиями, возникающими из сочетания этих элементов и представляющими синтезированные смысловые единства. Эти сложные стилистические явления художественной речи (например, сравнения, олицетворения и т. п.) не могут быть поняты на основе анализа только отдельных относящихся сюда слов².

Стиль — это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа. Стили, находясь в тесном взаимодействии, могут частично смешиваться и проникать один в другой. В индивидуальном употреблении границы стилей могут еще более резко смещаться, и один стиль может для достижения той или иной цели употребляться в функции другого.

Справедливо отмечалось, что степень индивидуального своеобразия стилей речи неодинакова. В таких разновидностях письменно-книжного речевого общения, как деловая бумага, техническая или служебно-административная инструкция, информационное сообщение в газете, даже передовая, индивидуально-стилистическое отстает перед стандартом, типической нормой или основной тенденцией привычной, установившейся формы словесного изложения.

*

Никто из участников дискуссии не отрицал того, что литературный язык, обслуживая разнообразные сферы общественной деятельности, разнообразные области культуры, в процессе своего исторического развития становится опорой и основой разнообразных форм, типов или разновидностей речевой деятельности, образующихся на базе разного отбора, сочетания и экспрессивного объединения языковых средств³. Наметились большие трудности и обозначились существенные противоречия в понимании характера этих речевых разновидностей и закономерностей их исторического развития. Ю. С. Сорокин настаивал даже на том, что в истории русского языка «стили языка» как особые семантически замкнутые «типы речи», характерные, например, для его функционирования и развития в XVII и XVIII вв., затем ликвидируются, и, начиная со времени Пушкина, можно говорить уже о многообразии индивидуальных стилей речи.

¹ Там же. Ср. близкую к этой точку зрения П. Р. Гальперина (ВЯ, 1954, № 4).

² Ср. И. С. Ильинская, указ. соч., стр. 88.

³ Эта задача была сформулирована в статье «Два года движения советского языкознания по новому пути» (ВЯ, 1952, № 3, стр. 17) так: «В стилистике национального языка должны быть описаны и раскрыты функциональные различия форм речи в зависимости от условий, ситуации, цели, задачи, содержания языкового общения».

Сэтого периода перед стилистикой современного языка встает новая задача — «...анализ многообразия стилистических применений элементов в конкретных речевых условиях. Именно здесь мы сталкиваемся с понятием стиля речи, с тем, без чего немыслимо никакое высказывание...»¹.

Понятие «стиля речи» в этих высказываниях Ю. С. Сорокина остается неясным, так же как и понятие «разновидностей речи». Вопрос о том, не сложились ли и не складываются ли какие-нибудь устойчивые, типические, коллективные правила и особенности целенаправленного использования языковых средств в отдельных областях общественной деятельности, в отдельных жанрах литературы или письменности, не ставится. Упор делается на «конкретные приемы сочетания языковых элементов в каждом высказывании, в каждом контексте», особенно в образцовых произведениях. Показательно, что стилистическая терминология Ю. С. Сорокина в других его работах последнего времени так же неопределенна и пестра. Характеризуя стиль романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», Ю. С. Сорокин пишет, что «...в языке романа выступают элементы речи публицистической, слова и обороты, характерные для языка научного рассуждения. Их сочетание с лексикой и фразеологией разговорного языка, со словами, выражающими конкретно-образные представления, — характерная особенность языка романа... Здесь выступают формы языка страстного и возвышенного, формы ораторского и поэтического стиля»².

В своей статье «Значение Пушкина в развитии русского литературного языка» Ю. С. Сорокин широко и свободно пользуется термином «стиль литературной речи», не определяя его точно. Он говорит о многообразии этих стилей в русском литературном языке после пушкинской эпохи. По словам Ю. С. Сорокина, Пушкин «...глубоко оценил значение всех характерных структурных особенностей русского общенародного языка в их органической целостности. Он узаконил их в различных жанрах и стилях литературы»³. «Он стремился придать литературной речи и ее различным стилям характер гармонической, законченной системы, придать строгость, отчетливость и стройность ее нормам»⁴. «Отпало схематическое деление литературной речи на три стиля. Вместе с тем отпала и обязательная, заранее данная связь каждого из этих стилей с определенными жанрами литературы. Литературный язык в связи с этим приобрел более стройный, единый систематический характер. Ведь строгое разграничение определенных слов, выражений и отчасти грамматических форм по трем стилям было признаком известной „диалектной“ дробности внутри самого литературного языка. Многие слова и выражения, а также отдельные грамматические формы, не освоенные в широком литературном употреблении, были специфической принадлежностью либо только „высокого“, либо только „простого“ слога. Последний, во всяком случае, представлялся консервативным защитникам этой системы чем-то вроде особого, не вполне литературного диалекта.

Видоизменение стилистической системы литературной речи не означало, конечно, устранения стилистических различий между отдельными элементами языка. Напротив, со времен Пушкина стилистические воз-

¹ Ю. С. Сорокин, указ. соч., стр. 82.

² Его же, О задачах изучения языка художественных произведений..., сб. «Изучение языка и стиля художественных произведений в школе», М.—Л., 1953, стр. 54—55 (разрядка здесь и ниже моя.— В. В.).

³ «История русской литературы». т. VI, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 332; ср. также стр. 334.

⁴ Там же, стр. 333.

возможности литературного языка расширились. Со стороны стилистической литературная речь стала гораздо более многообразной...

...После Пушкина открылись широкие и многообразные возможности для объединения в одном произведении слов и выражений разной стилистической окраски, что создало большую свободу для реалистической передачи различных ситуаций жизни и выявления отношения автора к действительности»¹.

На основании сопоставления этих замечаний Ю. С. Сорокина можно заключить, что установившиеся после Пушкина и Гоголя принципы индивидуального сочетания разностильных элементов в композиции художественного произведения, в языке художественной литературы признаются типичными и действительными для всех решительно высказываний и «контекстов речи», относящихся к самым разнообразным областям общественной деятельности. «Стиль языка» для Ю. С. Сорокина равнозначен «стилю-диалекту»².

Как бы то ни было, понятие «стиля языка» и понятие «стиля речи» остались в результате дискуссии не вполне уточненными и совсем не разграниченными. И в этом — недостаток дискуссии, так как от неотчетливости этих понятий очень страдает наша наука. Выражения «стиль языка» и «стиль речи» употреблялись участниками дискуссии безразлично, смешанно. Любопытно, что даже Ю. С. Сорокин, доказывая отсутствие «стилей языка» в таком развитом национальном языке, как русский, и призывая изучать многообразие «конкретных стилей речи», во многих случаях употребляет оба термина — «стиль языка» и «стиль речи» — как полные синонимы.

Вопрос о разграничении понятий «языковой стиль» и «стиль речи», по видимому, представлялся второстепенным и даже излишним многим участникам дискуссии. Так, Р. Г. Пиотровский, справедливо отметив, что в рассуждениях Ю. С. Сорокина понятие стиля совпадает с понятием индивидуального контекста и, следовательно, отрицается «объективное существование в языках р е ч е в ы х с т и л е й» как общественно осознанных и целесообразно организованных совокупностей средств выражения,

¹ Там же, стр. 367.

² Полная недифференцированность лингвистических категорий и понятий как в области разграничения основных разделов и дисциплин лингвистики, так и в сфере определения центральных категорий стилистики ярко сказывается, например, в таком рассуждении проф. А. В. Исаченко: «Исходя из основных функций общенародного языка, можно выделить книжный стиль, противопоставленный разговорному. В пределах книжного стиля с достаточной четкостью выделяются стиль поэтический, стиль повествовательной прозы, стиль намеренно архаический (напр., в исторических романах), стиль научный и публицистический, стиль официальный или канцелярский и т. п. В пределах разговорного стиля можно различать непринужденный разговорный стиль городских жителей, разговорный стиль деревни, профессиональные жаргоны и т. п. Все эти стили имеют свои особенности и могут быть так или иначе использованы в рамках художественного произведения. Стилистические особенности могут проявляться в произношении, в выборе слов и выражений, в выборе синтаксических приемов. Вскрытие стилистических особенностей и приемов связано с выяснением стилистической окраски синонимических языковых приемов» (А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 57—58). В этом рассуждении не может не удивить отнесение к стилям речи профессиональных жаргонов. В связи с этим наглядно выступает смешение лингвистической природы профессиональной терминологии с возможными стилистическими функциями ее использования «в рамках художественного произведения». Не менее странным кажется смешение диалектологических категорий с категориями стилистическими («разговорный стиль деревни»). Наконец, формы речи (книжная и разговорная) целиком отождествляются со стилями. В один ряд ставятся «стиль канцелярский», «стиль научный» и «стиль намеренно архаический» (в исторических романах), «стиль повествовательной прозы» и т. п.

затем пишет, что «ликвидация научного понятия языкового стиля... обозначает уничтожение основной стилистической категории»¹.

Кроме смешения и даже отождествления понятий «языковой стиль» («стиль языка») и «речевой стиль» («стиль речи»), часто наблюдается также наивное приравнение речевого стиля к «форме языка» и своеобразно понимаемой «разновидности языка» (например, устный и книжный «стили», диалогический и монологический «стили», «стили» просторечный и литературный и т. п.).

Все это говорит о том, что для стилистики чрезвычайно важно разобраться в структуре и сущности всех тех исторически развивающихся форм, типов и видов речи, дифференцированных соответственно областям общественной деятельности, целям и формам языкового общения, всех тех функциональных и жанровых разновидностей литературного языка, которые нередко называются «стилями языка» (а также иногда «стилями речи»).

*

Вопрос о формах или разновидностях речи и о различиях в строении речи, обусловленных целями высказывания, интересовал еще В. Гумбольдта. Он отмечал, что разные виды речи как поэтического, так и прозаического характера имеют «свои особенности в выборе выражений, в употреблении грамматических форм и синтаксических способов совокупления слов в речь»². Он подчеркивал также необходимость разграничения понятий языка и речи. Рассматривая язык как деятельность, как творческий орган образования и выражения мысли и в идеалистическом духе истолковывая развитие языка, В. Гумбольдт писал: «В строгом и ближайшем смысле, это определение идет к каждому акту живой речи в повседневном употреблении языка; но в сущности и в истинном смысле, под языком можно также разуметь только как бы совокупность всего, что говорится. Что же обыкновенно называют языком, то в массе слов и правил, как представляют их словарь и грамматика, содержатся только отдельные стили и, производимые живою речью, и то всегда неполные по количеству и всегда требующие нового труда, чтобы узнать свойства происходящей из них речи и составить верное представление о живом языке. По разрозненным элементам нельзя узнать того, что есть высшего и тончайшего в языке: это делается понятным или осязательным только в составе речи, — новое доказательство, что существо языка состоит в самом акте его воспроизведения. Живая речь есть первое и истинное состояние языка: этого никак не должно забывать при исследовании языков, если хотим войти в живое существо языка. Раздробление же на слова и правила есть мертвый продукт механической работы ученого анализа, а не естественное состояние языка»³.

Раскрытие понятий языка и речи с точки зрения марксистской теории развития языка и марксистского понимания взаимоотношений языка и мышления чрезвычайно важно для стилистики. Недаром де-соссюровское идеалистически искаженное изображение сущности языка и соотношения языка и речи (*langue* и *parole*) повело ко многим печальным заблуж-

¹ Р. Г. Потровский, О некоторых стилистических категориях, ВЯ, 1954, № 1, стр. 58. Ср. там же, стр. 59.

² В. Гумбольдт, О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языковедение, перевод П. Билярского, СПб., 1859, стр. 218.

³ Там же, стр. 40—41.

ждениям и в области стилистических исследований¹. Интересные, хотя и не во всем убедительные взгляды на соотношение языка и речевой деятельности были развиты акад. Л. В. Щербой в его известной работе «О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании»². Л. В. Щерба писал: «Языковая система и языковой материал — это лишь разные аспекты единственно данной в опыте речевой деятельности...» (стр. 115); «Все подлинно индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не находя себе отклика и даже понимания, безвозвратно гибнет» (стр. 118); «То, что часто считается индивидуальными отличиями, на самом деле является групповыми отличиями, т. е. тоже социально обусловленными» (стр. 124) (можно прибавить: или отличиями функциональными, тоже коллективно закрепленными).

Не без воздействия акад. Л. В. Щербы проблема языка и речи обсуждалась проф. А. И. Смирницким³. Нельзя принять все то, что сказано по этому вопросу А. И. Смирницким, но кое-что из сказанного им направляет дальнейшее исследование в правильную сторону: «Язык... есть один из ингредиентов речи, притом важнейший...» (стр. 13); речь, базирующаяся на системе общенародного языка, «...включает в себя и индивидуальные, и общественные моменты, в отличие от де-соссуровской речи — parole, которая определяется как явление целиком индивидуальное» (стр. 15); «Язык оказывается тесно соединенным с речью не только потому, что он существует в ней и пронизывает ее насквозь, но и потому, что он, так сказать, питается ею, пополняется и развивается за счет создаваемых в ней произведений — от отдельных слов и их форм до целых предложений» (стр. 22).

Таким образом, возникает проблема лингвистического изучения своеобразных типических черт речевых «произведений», относящихся к той или иной сфере общественной деятельности и выполняющих те или иные коллективно закрепленные за ними функции, а также проблема исторических изменений системы языка в связи с изменениями в разных формах и стилях речи. Однако в изображении А. И. Смирницкого речь предстает недифференцированной — ни функционально, ни конструктивно. Между тем именно эта проблема должна лечь в основу исследования разновидностей речи, стилей речи (так же, как и стилей языка).

Описание форм и разновидностей речи всегда помещалось и в элементарных руководствах по практической стилистике, по «искусству речи» и т. п.⁴. Так, еще в книге А. Бэна (A. Bain, English composition and rhetoric, 4-th ed., 1877), переведенной на русский язык под заглавием «Стилистика и теория устной и письменной речи» (М., 1886), объем стилистики определяется исследованием следующих вопросов и задач: словесные образы и фигуры речи, свойства стиля, приемы и принципы его композиционной структуры (количество слов и порядок слов; способы сочетания предложений в логическое целое), различные виды форм речи и их функций.

¹ См. анализ взглядов Ж. Марузо на стиль и стилистику в кратком реферате: Zdz. Stieber, O sprecyzowanie pojęcia stylu, «Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego», zesz. VIII, Kraków, 1948. Ср. также критику отрыва языка от речи в структуралистских концепциях в статье Е. Д. Панфилова «Против реакционной методологии современного структурализма» (сб. «Вопросы германской и романской филологии», Л., 1954).

² «Известия АН СССР», 1931, Отд-ние обществ. наук, № 1.

³ См. его брошюру «Объективность существования языка» (М., 1954).

⁴ Ср., например, главу «Hauptformen der Rede» в руководстве Е. Лüttge «Die Kunst des Redens durch Wort und Schrift...» (Leipzig, 1927).

Вопрос о закономерностях развития форм речевого общения, функциональных разновидностей речи, видов и типов общественно-речевой деятельности, о характере и способах «обслуживания» языком разных проявлений духовной и материальной культуры народа в ее движении до сих пор не был еще предметом глубокого исторического изучения. Во всяком случае, мы еще не имеем истории какого-нибудь развитого языка, разработанной в этом плане.

*

При изучении форм речи прежде всего выступает глубокое различие между речью разговорной и речью письменной, с которыми чаще всего и связывается в самом общем плане название «стиля речи». Но это неправильно. Дифференциация речи по этим формам основана не на целеустремленном отборе форм, слов и конструкций, а на различиях в общественных условиях и в материальных средствах социального общения.

О нецелесообразности отождествления понятий «стиль речи» и «форма речи» справедливо писали А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова: «Вряд ли можно думать, что дифференциация речи по ее формам (или тем более по характеру участия в ней данного лица) может быть поставлена в простую и прямую связь со стилями речи. Хотя общеизвестно, что исторически возникновение письменности и развитие литературной традиции имели важное значение для формирования, например, синтаксиса сложного предложения, в современных новых европейских языках (которые здесь конкретнее и имеются в виду) тот или иной стиль речи все же не оказывается закрепленным за определенной ее формой. Современный роман, повесть, рассказ (не говоря уже о пьесе), естественно, дают нам в письменной форме то, что нередко именуется „разговорным“ стилем. Вместе с тем в устной форме речи, например, научного работника или дипломата, может быть представлен так называемый „письменный“ или „книжный“ стиль...»¹.

Разговорная форма речи отличается от письменно-книжной уже тем, что в ней интонации, мимика и жесты собеседников, бытовая ситуация играют огромную смысловую роль. Справедливо отмечались в связи с этим лексико-фразеологические особенности, синтаксические и интонационные своеобразия разговорной формы речи.

«Интонации, которыми неизменно окрашивается звучащая человеческая речь, превращают мысли, выраженные в словах, в живые картины воображаемой или реальной действительности... Нередко яркость голосовых интонаций бывает убедительнее самих слов и сокращает нам количество их в нашей беседе: говоря о ком-нибудь и стремясь изобразить его как очень старого человека, можно, не пуская в ход бесконечных описаний внешности его, сказать всего два слова: „старый-старый“, но окрасить их такой интонацией, которая ярче иных слов выразит дряхлость этого человека... Вся сложность, тонкость, все разнообразие чувств, внутренних переживаний, намерений и настроений имеет свое внешнее выражение в интонациях человеческого голоса... Жизнь породила неисчислимо интонационное богатство средств словесного общения людей»².

Богатство и разнообразие экспрессивно-смысловых оттенков интонаций разговорной речи у нас обычно остается за пределами лингвисти-

¹ А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, О лингвистических основах преподавания иностранных языков, «Ин. яз. в шк.», 1954, № 3, стр. 50.

² В. Топорков, О слове, «Советское искусство», 30 I 52.

ческого изучения. Однако ни теория художественной речи, ни теория сценического искусства не могли оставить их в таком же пренебрежении. «Актёр — автор интонаций образа»¹. Интонации сценической речи основаны на разговорно-речевой мелодике. Характерны такие признания и советы актёров: «Нужно быть наблюдательным по отношению к речи различных людей. В жизни нужно быть внимательным и к своим, и к чужим разговорам и потом свои наблюдения переносить на сцену»². «Прислушиваясь к разговорам людей..., я следил, как переливается музыка тональностей, какие блистательные переходы рождают скачки одной мысли к другой, какими зигзагами идет речь, как много значит тональность конца фразы, какими красочными бисеринками сверкают акценты слов, характеризующих основную мысль периода. И до сих пор из такой манеры слушать людей (теперь я делаю это механически) я извлекаю богатый запас красок для своей актёрско-речевой палитры»³. «Язык театра имеет свои законы, но основан-то он должен быть на верной русской интонации»⁴.

Своеобразной чертой разговорной речи, типичной для нее и резко отличающей ее от речи книжной, является ее коллективно-драматический характер, активное участие в ней нескольких лиц, по крайней мере двух человек, непрерывность совместного действия. Ведь «слушать так же важно, как говорить»⁵.

Ю. М. Юрьев в своих «Записках» вспоминает об интересном суждении знаменитой артистки Г. Н. Федотовой, относящемся к бытовой разговорно-диалогической речи: «Если вы понаблюдаете и прислушаетесь, как говорят в жизни, то обратите внимание, что все обыкновенно как-то невольно попадают в тон друг другу, не очень диссоциируют. Мы, если хотим, в жизни тоже своего рода композиторы. Музыкальность в нас врожденная, — по крайней мере в речи. Разнобой бывает только тогда, когда это нужно по ходу действия, как это иногда случается и в жизни»⁶.

Очень важной особенностью разговорной речи является также то, что в ней, в зависимости от ситуации, от намерений и цели говорящего, от его экспрессии, предметные значения слов могут стать средством выражения эмоционального смысла: прямые лексические значения слов перестают формировать и определять внутреннее содержание речи. «Предположим, человек говорит: „Добрый день! Как живете?“ Означают ли эти слова всегда приветствие? Разве не могут быть обстоятельства, когда эти слова могут быть произносимы с желанием оскорбить, унижить, т. е. желание человека, произносящего эти слова, противоречит их первоначальному смыслу?»⁷; «Под вопросом: „который час?“ могут лежать, например, такие мысли: „что же вы опаздываете?“, или: „что же вы не уходите?“, или: „боже мой, какая скука!“, или: „я, кажется, опоздал!“ и т. д. и т. д. Соответственно различным мыслям... будут различаться между собой как интонации, так и жесты»⁸.

Художественно-характерологическое использование этих качеств разговорной речи лежит в основе построения диалогов в рассказе, повести, романе,

¹ С. Бирман, Словесные действия, «Театр», 1951, № 2, стр. 81.

² В. Н. Рыжова [Творческая беседа с молодежью], в кн.: «Творческие беседы мастеров театра», IV—V—VI, Л.—М., 1938, стр. 38.

³ Н. М. Радин, Автобиография. См. в кн. С. Дурьлина «Н. М. Радин», М.—Л., 1941, стр. 73.

⁴ В. Н. Давыдов, Рассказ о прошлом, М.—Л., 1931, стр. 345.

⁵ В. Пашенная, Моя работа над ролью, М., 1934, стр. 21. Ср. также В. Торопов, Актёр в ансамбле, «Театр», 1952, № 4, стр. 75—76.

⁶ Ю. Юрьев, Записки, Л.—М., 1948, стр. 191.

⁷ С. Г. Бирман, Актёр и образ, М., 1934, стр. 6.

⁸ Б. Захава, Вахтангов и его студия, М., 1930, стр. 59.

а также в основе построения форм сценического воспроизведения речи. В терминологии сценического искусства есть специальный термин — «подтекст», которым обозначается внутреннее содержание, влагаемое исполнителями в драматургический текст, индивидуально-смысловая основа этого текста. Об этом так писал К. С. Станиславский: «Что такое подтекст? ... Это явная, внутренне ощущаемая „жизнь человеческого духа“ роли, которая непрерывно течет под словами текста, все время оправдывая и оживляя их. В подтексте заключены многочисленные, разнообразные внутренние линии роли и пьесы... Подтекст — это то, что заставляет нас говорить слова роли. Все эти линии замысловато сплетены между собою, точно отдельные нити жгута, и тянутся сквозь всю пьесу по направлению к конечной с е р х з а д а ч е»¹.

Знание и понимание этих свойств разговорной речи чрезвычайно важно для исследования структуры диалога, для изучения стиля драматической речи и стилей речи сценической. Разграничение форм разговорной и книжной речи важно также для изучения таких композиционно-речевых видов общения, как диалог и монолог в их сложных и многообразных комбинациях, переплетениях и взаимодействиях. Но самый строй диалогической речи во многом зависит от состояния и качества народно-разговорного языка, от его отношения к языку литературному. Характер этого отношения социально-исторически обусловлен. Вместе с тем он качественно и функционально неоднороден в периоды развития языка народности и языка нации.

Типы взаимодействия между формами народно-разговорной и литературно-книжной речи определяют состав и соотношение функциональных разновидностей языка той или иной эпохи. Если функции языка литературы, языка культа и государственного делопроизводства выполняет чужой язык или какой-нибудь международный язык цивилизации (как, например, латинский язык в средневековой Польше), то состав разновидностей общей народно-разговорной речи, естественно, сужен и сферы их действия ограничены, хотя и не вполне разграничены. При традиционности речевого обихода едва ли в это время существуют прочно осознанные и строго регулируемые коллективом общенародные нормы отдельных форм и разновидностей речи.

Само собою разумеется, что гораздо более сложным и функционально дифференцированным оказывается взаимодействие форм разговорной и книжной речи, когда они складываются и развиваются на базе одного и того же языка или близко родственных языков, как это было в древней Руси. Тут можно говорить о развитии соотносительных, функционально разграниченных типов литературного языка (например, делового, литературно-художественного и церковно-книжного), которые отличались друг от друга не только лексикой и фразеологией, но и грамматическими и даже фонетическими особенностями. Однако едва ли к этим типам и разновидностям, например, древнерусского литературного языка XI—XIII вв. применим термин «стили языка». Дело в том, что эти типы не умещаются в рамках структуры народного восточнославянского языка (или языка восточнославянской народности). Церковно-книжный тип древнерусского литературного языка, обслуживавший области культа, науки и отчасти исторической и религиозной беллетристики, и по использованию слов основного словарного фонда, и по не-

¹ К. С. Станиславский, Работа актера над собой, М., 1951, стр. 492. Ср. также: Н. Горчаков, Беседы о режиссуре, М. — Л., 1941, стр. 139; [Е. Б.] Вахтангов, Записки. Письма. Статьи. М. — Л., 1939, стр. 308; С. Бирман, Труд актера, М. — Л., 1939, стр. 68. См. также «Слово на сцене и эстраде. (Методическая хрестоматия)», сост. Э. Лойтер, М., 1954.

которым особенностям грамматических форм и конструкций выходил за пределы структуры языка восточнославянской народности. Вместе с тем влияние этого типа литературного языка не могло не сказываться в большей или меньшей степени и на литературно-художественном типе языка, а кое в чем и на деловом. Понятие же «стилей языка» предполагает, что соответствующие соотносительные системы словесного выражения, организованные сообразно их общественному назначению, их функциям в речевой культуре народа, базируются на элементах — фонетических, грамматических и лексических — единого общенародного языка, на его вариантных формах. Следовательно, образование «стилей языка» связано с большей внутренней, структурной слитностью литературного языка, оно осуществляется или может происходить в период более глубокого и тесного сближения литературного языка с языком народным, когда функциональные разновидности литературного языка, сопоставленные друг с другом или противопоставленные друг другу, прямо или косвенно — путем семантических соотношений или синонимического параллелизма — ориентируются на основной словарный фонд и грамматический строй общенародного языка. В истории русского языка эти процессы относятся к позднему периоду развития языка русской (великорусской) народности — не ранее XVI в., особенно его второй половины. Именно к этому времени восходят истоки процесса формирования системы трех стилей русского литературного языка, развившейся в XVII в. и в первые две трети XVIII в., системы, нашедшей глубокое обобщение в трудах М. В. Ломоносова. Осознание исторической важности этой системы как переходного этапа к образованию единой общенациональной языковой нормы определило стилистические тенденции и правила «Российской грамматики» и «Риторики» великого Ломоносова.

Создание нормативной грамматики русского языка, охватывающей звуковой и морфологический строй русского национального языка, а также закономерности сочетания слов со ссылками на различия в стилях, было крупным шагом на пути формирования единой общенациональной нормы литературного выражения¹. Образование такой нормы связано с ликвидацией старой системы трех стилей. Стиль одного и того же произведения теперь может совмещать в себе самые разнообразные формы речи, прежде разобщенные и разделенные по трем стилям. Попадая в новую речевую обстановку, вступая в новые связи, старые языковые средства приобретают иной смысл и иные стилистические функции. Естественно, что при наличии твердой общей нормы национально-языкового выражения могли свободно развиваться многообразные социально-функциональные и индивидуально-художественные стили речи. Белинский констатировал это новое качество русской литературно-художественной речи, возникшее в связи с пушкинской реформой стилистики русского литературного языка. По словам Белинского, в русской художественной литературе теперь «...слов не три, а столько, сколько на свете даровитых писателей. И потом: что за пустая манера разделять сочинения на роды по внешней форме и определять, к какому роду сочинений какой приличен слог? Вы были свидетелем наводнения, разрушившего город: в вашей воле описать его в форме письма, или в форме простого рассказа. Слог вашего описания будет зависеть от характера впечатления, которое произвело на вас это событие»². Вместо трех стилей языка посте-

¹ Ср. замечания Антонио Грамши о значении нормативной грамматики для развития общности языка в его работе «Letteratura e vita nazionale» (см. ВЯ, 1954, № 5, стр. 125).

² В. Г. Белинский, Полное собр. соч. под ред. С. А. Венгерова, т. IX, СПб., 1910, стр. 159—160.

ленно складывается функциональное многообразие разных стилей речи. Прежде такого рода частные функционально-речевые стили могли развиваться и вращаться только в границах каждого из трех общих „стилей языка“ (об этом писал еще Ломоносов в своих черновых набросках); в пушкинскую же и послепушкинскую пору стили речи получают обобщенное значение и создаются, развиваются на базе единой общенациональной языковой системы.

Таким образом, пушкинская стилистическая реформа открыла возможности интенсивного творческого развития индивидуально-художественных и общественно-функциональных стилей русской литературной речи как целесообразных способов отбора и комбинирования различных языковых элементов в зависимости от сфер общественной деятельности, от общности цели, назначения и содержания речи. Эта общность создает условия для более или менее четкой нормализации выбора языковых средств в разных стилях речи.

В истории русского литературного языка XIX в. весьма ощутительно выступают различия в нормах отбора и употребления языковых элементов между такими, например, стилями речи, как официально-риторический, обиходно-деловой, критико-публицистический с его «ораторскими» вариациями, научно-технический и беллетристический.

Само собой разумеется, что при наличии общих тенденций построения какого-нибудь стиля речи, обусловленных основной функциональной направленностью его (например, в научном стиле — задачей терминологического обозначения соответствующих понятий и явлений и логически обобщающей системой последовательного изложения, в критико-публицистическом — задачей социально-политического воздействия на слушателя), — в пределах этого стиля вместе с тем наблюдается значительная индивидуализация конкретных форм выражения¹. Вместе с тем разные функциональные стили речи находятся в живом соотношении и взаимодействии. И все же целесообразно организованный отбор языковых средств, обусловленный взаимодействием разнообразных факторов, приводит к более или менее выдержанному, типовому или типическому единству в характере, в системе их сочетания и функционального использования, т. е. к тому, что обычно называется стилем речи (или не дифференцировано — «стилем языка»). Качественная определенность такого типового стиля зависит от более или менее устойчивой и единообразной организации речевого материала².

Порожденные историческим развитием языка и поддерживаемые целесообразностью разграничения разных видов общения, стили речи в то же время находятся в непрестанном взаимодействии. Разнообразные стилевые тенденции нередко перекрещиваются между собой. Национально-литературный язык, будучи по своей структуре внутренне цельным и единым для всего общества, вместе с тем становится основой сложной и многогранной системы переплетающихся и взаимодействующих, исторически изменяющихся стилей речи.

Область действия и применения, функциональная концентрированность стилей речи могут быть очень различны. Правильно отмечалось, что, например, стиль публицистики обладает очень широким диапазоном «... в отношении тех жизненных сфер, которые им затрагиваются, в отношении тех коммуникативных форм речи, которые могут в нем фигурировать, в отношении тех оттенков эмоциональной окраски, которыми

¹ См. об этом ряд интересных замечаний в статье В. Г. Адмони и Т. И. Сильман, «Отбор языковых средств и вопросы стиля» (ВЯ, 1954, № 4).

² Ср. Г. В. Степанов, О художественном и научном стилях речи, ВЛ, 1954, № 4, стр. 89.

он может быть насыщен, и т. д.»¹. Но при такой широте вариаций публицистического стиля речи нельзя отрицать наличия в них общей целенаправленности и общих принципов в использовании разнообразных языковых средств.

Однако своеобразие функционирования языка в той или иной сфере общения далеко не всегда приводят к образованию особого, более или менее устойчивого стиля речи. Чаще всего такие своеобразия выступают в подборе лексики. Между тем понятие стиля речи, а тем более стиля языка связано с понятием нормы отбора и с понятием внутреннего единства (или «системности», как иногда говорят), взаимосвязанности и взаимообусловленности приемов организации речевого материала.

Таким образом, понятия «стиля языка» и «стиля речи» — категории исторические. Их нельзя смешивать с понятиями «тип языка» и «форма речи». Однако до сих пор еще нет ясной и точной дифференциации этих понятий. Разграничение языка и речи и выяснение закономерностей исторического развития литературного языка, а также его отношений и связей с народно-разговорным языком в разные периоды истории народа должны содействовать конкретно-историческим исследованиям по стилистике отдельных национальных языков и обобщениям в области нормативной стилистики.

Стилевая структура литературных языков различна в разные эпохи их исторического развития. В разных системах языка не все стили равноценны. Они различаются по своим экспрессивным качествам, по сферам их употребления, по своей общественной функции, по своему семантическому объему и своему строению, по роли в истории культуры народа.

При всем различии конкретно-исторических условий развития стилей в том или ином языке и при глубоких своеобразиях систем стилей в разных языках, логичному, есть нечто общее в процессах стилистической дифференциации литературных языков в периоды национального их развития. Так, П. И. Шеманаев в статье «К вопросу о стилях японского литературного языка» утверждает, что «...в новом национальном литературном языке японцы унаследовали все свое прошлое языковое богатство, развив его соответственно новым требованиям исторической эпохи. Это произошло путем отбора из разных диалектных и стилиевых форм языка наиболее жизнеспособных, наиболее рациональных элементов, отбора, получившегося в результате борьбы этих диалектных и стилиевых форм»². В литературном (книжном) японском языке конца XIX в. исследователями отмечается, например, система шести стилей («стиль буквального перевода с китайского», «стиль изящно-простонародный», «стиль японо-китайский», «стиль ложноклассический», «стиль японо-европейский», «стиль единства разговорного и письменного языка»). Эти «...стили были неравноценны ни по своему употреблению, ни по своей системе средств выражения... Ведущая роль того или другого стиля определялась, с одной стороны, значением той сферы социального общения, которую он обслуживал, с другой — исторически сложившейся системой средств выражения и близостью к народно-разговорному языку общества»³.

«Стиль единства разговорного и письменного языка» «перерос в новый литературный язык не в отрыве от старого литературного языка, а в результате сложного синтеза жизнеспособных элементов старых языковых стилей на базе живого разговорного языка. Таким образом,

¹ В. Г. Адмони и Т. И. Сильман, указ. соч., стр. 99.

² «Груды Военного ин-та иностр. языков», № 5, М., 1954, стр. 98.

³ Там же, стр. 99.

с одной стороны, новый японский литературный язык развивался в борьбе со старым литературным языком, с другой — черпал из него нужные языковые средства. В этом, казалось бы, противоречивом процессе — ключ к пониманию развития нового литературного языка с его новым распределением выразительных средств по стилям»¹.

*

Среди стилей литературной речи совершенно особое место занимает система стилей художественной литературы. В художественной литературе общенародный национальный язык со всем своим грамматическим своеобразием, со всем богатством своего словарного состава и со всем разнообразием экспрессивных оттенков, со всей совокупностью присущих ему стилей речи используется как средство и как форма художественного творчества. Иначе говоря, все элементы, все качества и особенности общенародного языка, в том числе и его грамматический строй, его словарь, система его значений, его стилистика, все разнообразие возникающих на его базе форм и разновидностей речи — все это служит средством художественно обобщенного, типизированного воспроизведения действительности. В разных аспектах могут и должны изучаться качественные своеобразия художественной речи вообще и конкретно-исторические свойства речи литературно-художественных произведений того или иного времени.

Теория художественной речи является одним из важных отделов стилистики. В художественной речи исключительная роль принадлежит эмоционально-чувственной стороне языка, системе эмоционально-чувственных образов².

Изучая те стилистические приемы, которые играют организующую роль в системе средств художественного воздействия, теория художественной речи тесно связывает их с структурными свойствами соответствующего общенародного языка и с закономерностями его исторического развития. Формы индивидуального словесно-художественного творчества дают возможность вскрыть и наглядно представить стилистико-грамматические и лексические богатства и возможности общенародной речи.

Стилистика индивидуального словесно-художественного творчества в идеалистических концепциях языка иногда признается источником и базой развития языка как системы. Так, по мнению К. Фосслера, научно целесообразен лишь переход от поэтической стилистики к синтаксису и словарю общенародного языка, а никак не обратно: личность, оторванная от народа и исторической среды, объявляется основным двигателем и творцом истории языка, а индивидуально-художественная речь — квинтэссенцией языка как творчества, его ядром и организующим центром.

Согласно представлениям современных нелингвистов, воля и воображение творящей индивидуальности управляют языком; создание и распространение языковых новообразований, с точки зрения нелингвистов, совершенно сходны с созданием и распространением женских мод: они основаны на индивидуальном эстетическом вкусе³.

На этом фоне и в этих условиях разработка теории художественной речи на основе марксистского понимания языка и законов его развития и на основе марксистского понимания стилистики и ее категорий, на ос-

¹ «Труды Военного ин-та иностр. языков», № 5, стр. 110.

² См. Г. В. Степанов, указ. соч., стр. 94.

³ См. Giuliano Bonfante, The neolinguistic position, «Language», 1947, № 4, стр. 347.

нове марксистской эстетики слова становится одной из самых актуальных задач марксистского языкознания¹.

В тесной связи с разработкой проблем изучения художественной речи должно вестись исследование языка художественной литературы, или, как иногда говорят, «литературно-художественного стиля». Речевое творчество, его законы и правила, возможности и направления ярче всего выражаются и отражаются в великих произведениях словесного искусства².

Во время дискуссии по стилистике у нас не обнаружилось согласия и единства в понимании сущности «языка» художественной литературы и его места в системе стилей литературной речи. Одни ставят «стиль художественной литературы» в параллель с другими стилистическими разновидностями литературной речи (со стилем научным, публицистическим, официально-деловым и т. п.), в один ряд с ними, другие считают его явлением иного, более сложного порядка (ср., с одной стороны, взгляды А. Н. Гвоздева, Р. А. Будагова, А. И. Ефимова, Э. Ризель и др., с другой стороны — взгляды И. Р. Гальперина и Г. В. Степанова и, наконец, взгляды В. Д. Левина).

В сущности, «язык» художественной литературы, развиваясь в историческом «контексте» литературного языка народа и в тесной связи с ним, в то же время как бы является его концентрированным выражением. Поэтому понятие «стиля» в применении к языку художественной литературы наполняется иным содержанием, чем, например, в отношении стилей делового или канцелярского и даже стилей публицистического и научного³.

Язык национальной художественной литературы не вполне соотносительен с другими стилями, типами или разновидностями книжно-литературной и народно-разговорной речи. Он использует их, включает их в себя, но в своеобразных комбинациях и в функционально преобразованном виде. Он развивается на основе целесообразного, эстетически оправданного использования всех речевых разветвлений национального языка, всех его выразительных средств. Конечно, можно изучать приемы и принципы употребления и комбинирования языковых элементов в художественной литературе. Такое исследование не может и не должно быть оторвано от соответствующего изучения других стилей литературной речи. Несомненно также, что некоторые специфические черты стилей художественной литературы отчасти познаются и при таком исследовании. Кроме того, тут выясняется не только связь языка художественной литературы с общенародным языком, с разными стилями речи, но и его воздействие, его влияние на них. Однако возможности и результаты такого исследования стилистики художественной литературы несколько ограничены. Ведь в области стилистики литературно-художественной речи выступают свои специфические композиционные и стилистические категории, а также исторически изменяющиеся жанровые критерии разграничения словесно-художественных систем. Правда, отчетливая стилистическая очерченность разных литературных жанров и прикрепленность их к строго определенным формам словесного выражения, к «стилям языка» характерны

¹ См. краткое изложение дискуссии в Чехословакии по вопросу о стиле, о стилистике и задачах стилистических исследований на основе марксистской теории языка и мышления в журнале «Slavia» (ročn. XXII, seš. 2—3, 1953).

² См. мою статью «Насущные задачи советского литературоведения» (сб. «Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1951, стр. 9).

³ См. очень интересный обзор противоречий и спорных положений в понимании стилистики и постановку проблем изучения стилей художественной литературы в статье Марии Ренаты Майеновой (M. R. Ma y e n o w a, Propozycje stylistyczne na marginesie radzieckiej dyskusji językoznawczej po artykułach Józefa Stalina, «Pamiętnik literacki», roczn. XLV, zes. 1, Warszawa — Wrocław, 1954).

не для всех периодов развития литературы того или иного народа. Вместе с тем понимание своеобразий художественного словоупотребления и словосочетания, художественного комбинирования разных экспрессивных форм речи во многом зависит от анализа экспрессивно-смысловой и композиционной структуры литературного произведения как речевого целого¹. «Каждое слово в поэтическом произведении, — писал В. Г. Белинский, — должно до того исчерпывать все значение требуемого мыслью целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его»².

С другой стороны, при изучении стилистики художественной литературы необходимо учитывать исторические линии развития и распространение в ней тех или иных словесно-художественных направлений и школ, тех или иных индивидуальных стилей³.

Основным в лингвистическом изучении художественной литературы является понятие индивидуального стиля как своеобразной, исторически обусловленной, сложной, но структурно единой системы средств и форм словесного выражения. В стиле писателя, соответственно его художественным замыслам, объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы использованные художником общенародные языковые средства. Проблема индивидуального стиля писателя — предмет не только языковедческого, но и литературоведческого изучения. Стиль как категория искусства в марксистском его понимании не может считаться вполне уясненным в советском литературоведении. Языковед и литературовед идут разными путями к решению вопросов индивидуально-художественного стиля. Но круг тех понятий и категорий, с которыми сталкивается языковед при изучении индивидуального стиля писателя, далеко выходит за пределы категорий функционально-речевой стилистики. Так, в художественном произведении формы разговорной речи воспринимаются и осмысляются не только в плане их содержания и построения, в плане объективно-историческом, но и в плане субъективном, в отношении к говорящему лицу, с точки зрения социальной характерологии. Важно, кто, какой социальный субъект выражает себя в тех или иных формах разговорной речи, с какими национальными различиями харак-

¹ См. мою статью «Язык художественного произведения» (ВЯ, 1954, № 5). Ср.: «Понятие художественности предполагает разнохарактерность и пластичность языкового выражения. Язык диалога или внутреннего разговора; язык в минуты спокойного раздумья или тревоги; язык воспоминаний или счастливой мечты — как все это различно, характерно как в отборе слов, так и в степени живописности! Язык пейзажа, особенно лирического пейзажа, где краски природы проникнуты настроениями героев произведения или авторским подтекстом. Язык описательный, который служит разным целям: историческим обобщением, пояснением хронологического или иного порядка, прямому авторскому вмешательству, так сказать, от себя, в развитие повествования, характеристике героя... Какое языковое разнообразие представляет собой каждое полноценное художественное произведение!» (А. К а р а в а е в а, Идейность и мастерство, «Октябрь», 1954, № 9, стр. 143).

² В. Г. Б е л и н с к и й, Полное собр. соч., т. VI, СПб., 1903, стр. 61 (статья «Стихотворения М. Лермонтова»).

³ Н. А. Добролюбов, сопоставляя стиль В. А. Соллогуба со стилем Марлинского, писал: «Не правда ли, что эти отрывки очень схожи? Фигуры нарушения, повторения, единоначатия и т. п. украшения риторики щедро рассыпаны в том и другом. Прием и манера решительно те же. Весь секрет состоит, главное, в подборе эпитетов почти синонимических, в уместном повторении некоторых глаголов и в искусном избежании союза и, который, как известно, *связывает* речь. Красноречивые описания, чтобы не лишиться своей свободы, большею частью вовсе не употребляют его, а если и употребляют, то не иначе, как с повторением — попарно. Необходимо также при этом обращать внимание и на звучность фразы» (Н. А. Д о б р о л ю б о в, Полное собр. соч., т. I, ГИХЛ, 1934, стр. 166—167). Такова, по Добролюбову, техника и механика романтического стиля у писателей, подобных Марлинскому и его эпигонам.

теров связаны те или иные своеобразия и черты стиля драмы, те или иные особенности бытового разговора¹.

К. С. Станиславский учил: «Язык, которым говорит человек, — это ключ к его характеру. Язык, слово, слова являются поводом к конфликтам, к борьбе, к действию. Язык — это и средство воплощения всех замыслов писателя и могучее средство сценической выразительности»².

Таким образом, стили речи в художественном произведении преобразуются; своеобразно сочетаясь и объединяясь, они отражаются и выражаются в стиле личности, в стиле персонажей и в стиле автора. Об этом так писал В. Г. Белинский в 1841 г. в статье «Герой нашего времени»: «Под „слогом“ мы разумеем непосредственное... умение писателя употреблять слова в их настоящем значении, выражаясь сжато, высказывать много, быть кратким в многословии и плодовитым в краткости, тесно сливать идею с формой и на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего духа»³.

Дискуссия по вопросам стилистики дала меньше обобщений и выводов, меньше достоверных результатов и доказанных положений, чем предположений и вопросов. Это значит, что, несмотря на ее односторонний и несколько абстрактный характер, несмотря на недостаточную четкость и определенность постановки вопроса о «стилях языка» и «стилях речи», дискуссия будит мысль, порождает новые проблемы, открывает новые стороны в привычных и как бы установившихся (а иногда и остановившихся) понятиях и толкает на поиски новых путей в разрешении основных вопросов стилистики. Необходимы обстоятельные стилистические исследования в области грамматики, лексикологии, семасиологии отдельных национальных языков, конкретные работы по историческому изучению форм речи, типов языка и стилей в разных литературных языках. Необходимы обобщающие труды по стилистике национальных художественных литератур, углубленный анализ стиля художественных произведений разных жанров. Необходимо уточнить стилистическую терминологию, ясно определить место и границы стилистики в общей системе марксистского языкознания.

¹ Ср. интересные замечания народного артиста СССР К. Скоробогатова об индивидуальных качествах диалогической речи персонажей пьесы Ю. Яновского «Дочь прокурора»: «Главное действующее лицо пьесы — прокурор Нил Никитич Чуйко. Казалось бы, уже самая его профессия требует того, чтобы он хорошо владел словом. Как же прокурор разговаривает в пьесе? Едва появившись на сцене и сев за обеденный стол, Чуйко спрашивает у брата: „А себе не того... Не налил?“ Не правда ли, странная манера изъясняться? Но, может быть, этот, мягко говоря, неинтеллигентный оборот речи является сознательной шуткой? Ничего подобного! Через несколько секунд Чуйко, отвечая на вопрос дочери, говорит: „Чувствуется, что парень скрывает существенные моменты. Зануган шайкой, как говорится, до предела... А мы, ясное дело, не верим!“ Что это? Это же речью малограмотного человека! Но дело не только в этой глубоко неверной речевой манере. Дело и в существе того, что говорит герой. Когда жена Чуйко, требуя от него денег, аргументирует свое требование тем, что „другие прокуроры как сыр в масле катаются“, Чуйко реагирует совершенно необъяснимым образом. Он говорит: „Какая обывательская сплетня! Ты явно стареешь, моя дорогая!“ — и только!» («Советская культура» 7 VIII 54).

² См. Н. Горчаков, Работа К. С. Станиславского над советской пьесой, сб. «Вопросы режиссуры», М., 1954, стр. 88. Ср. также Ф. Гладков, О правильном и точном словоупотреблении в литературной речи [письмо в редакцию], «Октябрь», 1954, № 9, стр. 191.

³ В. Г. Белинский, Соч., ч. V, 4-е изд., М., 1885, стр. 336—337.